

DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00010

УДК 82-1+821.161.1:81

СЮЖЕТОЛОГИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ

Безруков А.Н.

Лирика современной России есть уникальное и необычайно интересное явление. Поэты в своем творчестве все больше обращают внимание читателей на возможный диалог с предшествующей культурой, историей. Объект данной статьи – авторские конструкты Веры Полозковой, которые можно соотнести с рядом сюжетных разверток и ходов. Имя Веры Полозковой последнее время становится цитируемым, изучаемым, к нему нетривиально обращаются с целью объективировать и поддержать парадигму литературных изменений XX и XXI веков. Методология статьи в большей степени вбирает приемы рецептивной критики, структурализма, герменевтики и эстетической компаративистики. Данный материал может быть подспорьем для дальнейшего изучения литературных манифестов Веры Полозковой, а также изучения специфики стилевой манеры поэтов современной культуры.

Ключевые слова: современная русская поэзия, Вера Полозкова, эстетический дискурс, лирический конструкт, сюжетология, авторский стиль.

THE SUBJECTOLOGY IN POETIC CONSTRUCTS

Bezrukov A.N.

The lyric of modern Russia is a unique and extraordinary phenomenon. Poets in the creativity draw the readers' attention to a possible dialogue with the previous culture and history. The subject of this article is the author's constructs of Vera Polozkova, which can be correlated to a number of subject allotments and tracks. Lately, the name of Vera Polozkova becomes quoted, studied, and uncommonly handled with the purpose to objectify and support the paradigm of literary changes of the 20-21 centuries. Article methodology incorporates methods of receptive criticism, structuralism, hermeneutics, and aesthetic comparative studies to a greater extent.

This material can be a certain help for further studying of Vera Polozkova's literary manifests, and studying the specificity of modern poets' stylistic manner.

Keywords: modern Russian poetry, Vera Polozkova, aesthetic discourse, lyrical construct, subjectology, writing style.

Литературный процесс последних лет представляет собой неоднородный синтез формы и содержания, формы и смыслового предела, смысла и перспективы видимой оценки. Писатели, поэты, драматурги балансируют в своем творчестве на грани претворения реального и вымышленного, социального и гипотетического, идеального и противоречивого, при этом акцент усиливается на аутентичном, схожем, настоящем. Таким образом, эстетический объект становится в большей степени компиляцией. И, вероятно, литература с подачи этого подхода должна рассматривается как система динамической трансформации эстетической классики, ибо без буквальной, прямой или скрытой, завуалированной отсылки к наследию прошлого невозможна перспектива движения.

Большая часть поэтов в своих произведениях [7] как бы циклически ориентируют себя, а далее и потенциального читателя на расширение культурно-знакового контекста, тем самым реализуя программу эстетической коррективы, дробности смысловых парадигм. Насколько это безукоризненно уместно и творчески правильно, безусловно, покажет историческое время, но в данном случае происходит фиксация/ориентир, реверсивная популяризация уже сказанного и написанного.

Ставшие на данный момент уже знаковыми имена Ирины Астаховой, Линор Горалик, Ланы Карпинской, Алины Кудряшевой, Ирины Самариной, Дмитрия Степанова, Веры Павловой, Веры Полозковой воплощают органику синтеза сверхнового и номинативно-классического. В первую очередь, привлекает в современной поэзии смелый и эпатажный эксперимент, доводящий реципиента до так необходимого поэту катарсиса – очищения духа, или желая векторно, спектрально осуществить процесс чтения.

Органика лирики Веры Полозковой не вызывает у большинства критиков [3; 4; 5; 10] сомнений и нареканий. Ее сборники «Непоэманье» [11], «Фотосинтез» [12], «Осточерчение» [13] конструируются по принципу смежных сращений литературных форм и приемов манифестации эстетической свободы. На наш взгляд, именно сюжетика позволяет достаточно эффективно и действенно реализовать поэтический потенциал текстов. Для поэта не так принципиально важна глубина лирического нарратива, это стандарт классики, от которого необходимо оттолкнуться и двигаться далее по имманентным уровням поэтического конструкта. Но сюжет логически поддерживает то важное, которое при восприятии текста становится еще и моделью рецептивного, герменевтического толкования.

Вера Полозкова умело конфигурирует свои тексты с учетом эстетического желаемого потенциальным читателем. Как легко и непринужденно совмещается в ее произведениях форма (стандартизация звуков, фонетическая организация) и содержательный пласт (пространственный ориентир, художественное рисование):

Губы плавя в такой ухмылке,

Что на зависть и королю,

Он наколет на кончик вилки

Мое трепетное “люблю”.

И с лукавством в медовом взоре

Вкус божественный наречёт.

И графу о моем позоре

Ему тоже запишут в счёт [11, с. 7].

Литературные прототипы небуквальны для поэтических экспериментов Веры Полозковой, она экспериментирует с тем, что можно назвать неким эстетическим нивелированием. Как еще отмечал Ю.М. Лотман, «поэзия относится к тем сферам искусства, сущность которых не до конца ясна науке» [9, с. 3]. Для правильного понимания стройных смещений в художественных текстах Полозковой целесообразно интерпретировать стилевые черты,

стилевые доминанты, ибо «стиль – это, прежде всего индивидуальность, своеобразие» [8, с. 8]. Концепция того или иного текста, его сюжетный ход складывается из вектора стиливых колебаний, динамики отношений автора/художника к предмету описания.

Полифункциональная природа поэтического, либо литературного текста определяет и маяки так называемых смысловых колебаний: движения от центра к периферии и реверсивно. Реципиент с подачи автора соотносит эстетическое переживание с правильной трактовкой объекта искусства. Иное, неверное, искаженное, транслирование смысла становится барьером допустимого рисования горизонта читательских ожиданий. В свою очередь, «главная особенность герменевтического понимания – его онтологический, или медиально-трансцендентальный, характер» [6, с. 82]. При этом условия приращения смысла к уже сказанному становятся еще и факторами расширения коннотативного ореола.

Субъективность лирики Веры Полозковой не ограничивает реципиента в добавочности отсылок и купюрности, цитатности фраз. Смещение разных стилей, разных историко-временных фокусов становится для современной поэзии знаковой формой, литературным манифестом, особым явлением игры. Ассоциативно можно вспомнить подобную тенденцию в творчестве поэтов конца XIX – начала XX века – Константина Бальмонта, Андрея Белого, Александра Блока, Валерия Брюсова, Давида Бурлюка, Максимилиана Волошина, Владимира Маяковского, Семена Надсона, Бориса Пастернака. Стихия преобразований, эстетических свержений настигает и период начала XXI века. Не случаен языковой, графический сбой, слышимый и видимый в текстовке Веры Полозковой:

*огромный город – не хватает глаз –
прокуренный от шахт до антресолей,
и где-то в глубине сидим мы с Олей
и поглощаем углекислый газ [12, с. 5].*

Мерцают урбанистические огни, которые и дают жизнь всей канве происходящих с героиней событий. Эффектом паузы Полозкова останавливает не только реальный ритм жизни, но и мысль читателя:

*вот пёс, что дремлет, старый и ничей,
в соломке мелких солнечных лучей,
вот горький ветер, ниоткуда родом –
они обычно служат поворотом
каких-то тайных внутренних ключей* [12, с. 5].

Загадкой, которая так интересна поэту, притягивается и внимание читателя. Тайнопись Полозковой в возможной манифестации буквального и правдивого, нарочито понятного, одновременно с этим, и необычного, нетривиального. Так называемый стилистический код поэтических конструктов автора в открытости всей массы текста. В стихотворении «Тридцать слов» эта модель реализована объемно и полностью:

*Для Орфеев – приманки с мертвыми Эвридиками:
Сами ломаются в клетку. Правило птицелова.
Так любое «иди ко мне» слышишь как «и дико мне».
И читаешь все «it's a lover» –
Как «it's all over»* [12, с. 96].

Фактом присутствия в мире эстетической правды для лирического субъекта становится сам язык, языковая среда, «которая уже сложилась и в которой все уже так или иначе высказано» [14, с. 398].

Сюжетная медиальность текстов Веры Полозковой вбирает широкий контекст европейской и отечественной литературной классики: от песенно-народной («Суженое-ряженое», «Благовест», «Каравай, каравай», «Колыбельная», «Новые сказки о главном»), свободной («Песня ваганта», «Кричалка») стихии к историко-литературной («Ромул и Рем», «Неправильный сонет»), отшлифованно-культурной парадигме («Перехокку», «То заплачет, как дитя», «Стишище», «Недогумилев», «Остаточные явления», «Беда», «Как будто бы», «Гумилев Update»). Направляя читателя на тот или иной магистральный

нарратив, автор как бы проговаривает достаточно четко и точки фиксации «моментальной», «сферической» памяти. Вера Полозкова, в сравнении с другими поэтами 2000-х, более внимательна к фактическому и фактографическому, но это не есть копирование и редупликация художественных плоскостей. Вероятно, в данном случае следует усматривать связность художественных миров, глобальность пространств и временных полей. Уловить волну подъема литературы в поэтическом формате не так просто, но Полозковой удастся преподнести сбив/точность, факт/условность в виде актуального манифеста современности.

Поэтический язык, отсылки к классике [10] дают возможность сформировать современную картинку поведений. В объективной данности художественного мира становятся понятны и аксиологические ориентиры. Это не только **город** с его контурами, **время** с течением вперед, **пространство**, вбирающее многое, но и **перспектива** адекватной оценки. Как бы вторя модернистам – Ахматовой, Гиппиус, Гумилеву, Мандельштаму, Маяковскому, Северянину – Полозкова актуализирует весь литературный массив, доводит до мыслимого абсолюта всевластие искусства. Дискурсивная [2] практика современной поэзии близка доверительному диалогу с прошлым:

Это последний раз, когда ты попался

В текст, и сидишь, смеёшься тут между строк.

Сколько тебя высасывает из пальца –

И никого, кто был бы с тобою строг [11, с. 155].

Дистанция между текстом как таковым и способом о себе заявить становится сверхзадачей творчества. Перебив, ассоциативная игра, реминисценция, аллюзия синтезированы в общей массе сказанного. Схожесть такой версии расстановки приемов предпринимал и Венедикт Ерофеев [1], стараясь войти в круг активной классики, но в новой звучащей форме. Эксперимент с уже сказанным и произнесенным был предпринят в так называемой «Антологии поэтов», которая может считаться ступенчатой парадигмой изменений устоявшихся принципов:

*Я, снова опьяненный маем, на опьяняющем фрегате
Встречаю майскую жеманность полупрезрительной гримасой.
Впиваю сладость океана, симпатизируя Пикассо,
И нарочито нелояльно внимаю треску делегатов [1, с. 25].*

Стоит отметить, что лирика Веры Полозковой близка не только стандарту сюжетов классических периодов, но и вариациям на тему злобы дня. Мир современных тенденций – чат, блог, визуализация, пиктография, сеть – поглощает индивидуальность, создает условия редуцирования копии, повтора. Транслирование эмпирики становится возможным разными, порой и нестандартными путями:

*Жаль, в моих смс-архивах программы нету,
Что стирала бы слой отмерший в режиме «авто».
Я читаю «ну я же рядом с тобой» – а это
Уже неправда [11, с. 116].*

Жизнь в тексте становится симулякром, подобием жизни, копией без оригинала, правда, только именно это для автора и есть форма нормального отражения бытия. Цифровое оповещение, сообщение/информация в гаджете есть фиксация сиюминутности, хотя, как и признает лирическая героиня, это исчезает, как только написано, набито, заброшено в доступ «для всех».

Тексты Веры Полозковой порой несколько провокационны, вызывающи. Они помимо наличной сюжетной органики воплощают и наррацию эмоций, этим отличен стиль данного автора. Мировоззренческий комплекс Полозковой типологически неоднороден, хотя самоидентификация [3] поэта заключается в объективной конкретизации происходящего с ним. Эффект аллюзий на лирику Николая Гумилева открывает возможность построения новой реальности, новой модели оценки объективной данности. Как и у классика, у Веры Полозковой есть внутреннее желание предвосхитить путешествие к неизведанному, необычному, экзотическому, непокорному:

*Погляди: моя реальность, в петлях держится так хлипко –
Рухнет. Обхватчу колени, как поджатое шасси.*

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка.

Не проси об этом счастье, ради Бога, не проси.

Из внушительного списка саркастических отмазок

И увещеваний – больше не канает ничего.

Я грызу сухие губы, словно Митя Карамазов,

От участливых вопросов приходя в неистовство [11, с. 109].

Социальное начало текстов Веры Полозковой гораздо важнее природных и необъяснимо естественных рефлексов. Увидеть праздность жизни, ее бытовую коллизию получается весьма и весьма успешно. Потенциальный читатель снимает для себя весь возможный видимый слой метафизической наррации. Сюжетика при этом становится полем дисбаланса: прошлое отзвуком падает на настоящее, классическое раскрывается в сути современного.

Если учитывать тот факт, что «создавая текст, автор относительно свободен в выборе правил его восприятия» [1, с. 42], то поэтические конструкты Веры Полозковой больше напоминают манифесты сюжетных изводов. В них, как правило, сбалансирован предел формальности и ресурс содержательности. Игра – форма диалога – получает действенность при буквальной попытке об этом сказать:

Ну давай, давай, поиграй со мной в это снова.

Чтобы сладко, потом бессильно, потом хреново;

Чтобы – как же, я не хотел ничего дурного;

Чтоб рычаг, чтобы три семёрки – и звон монет.

Раз охотник – ищи овцу, как у Мураками;

Кулаками – бумага, ножницы или камень –

Провоцируй, блефуй, пытай меня не-звонками;

Позвонками моими перебирай в горсти [11, с. 81].

Следовательно, читатель не только вовлечен в игровое начало, он как бы поддерживает его, становится буквальным действенным элементом этой ситуации. Тексты Веры Полозковой не мешают реципиенту расширять пределы допустимого и мыслимого, в них множество открытых рубежей, в большинстве

из них превалирует творческая свобода. На наш взгляд, поэт старается нивелировать фронтиры эстетического, художественного, типичного, собственно литературного.

Сюжетология [15] поэтических конструкторов Веры Полозковой заключается в принципиальной открытости и смежности с литературной классикой. Ее интерес к творчеству А. Белого, Н. Гумилева, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, И. Северянина, В. Хлебникова оправдан тем, что поэтический ракурс указанных авторов разнонаправлен. В их наследии есть присутствие не только настоящей реальности, которая была им видна и заметна, но и страстное желание вобрать в свой поэтический космос то, что уже было осуществлено и зафиксировано.

Следует напомнить, что история литературы, тем более история ее поэтических форм, есть компиляция и концентрация лучшего и качественного. Еще со времени античных лирических поэтов Древней Греции – Анакреонта, Архилоха, Сапфо, Солона и ряда других – установилось незыблемое правило стремления к совершенству через идеализацию и типизацию, образцовость и стандартизацию. Данный путь сложен, многообразен, неоднороден, но он объективно правилен. Мастерски совместить сюжетный ход поэтического текста с органикой языка есть понимание реализации **процесса диалога** автора и реципиента, демиурга и читателя, создателя текста и его воспринимающую сторону. Думается, что допустимая беспринципность текстов Веры Полозковой имеет место быть в современном литературном процессе, где в большем объеме поэтических воплощений наличествует альтернативный ценз самостоятельного и художественного. Таким образом, стилизация под классику заметна лишь при поверхностном, первичном чтении/рецепции, далее раскрывается умение автора проникнуть в суть мастерства.

Коннотация, которая претворяется при работе со словом, выступает неким обязательным барьером и для читателя. Пример указанного формирования – текст, отмеченный реминисценцией:

Свиться струйкой водопроводной –

*Двинуть к морю до холодов.
Я хочу быть такой свободной,
Чтобы не оставлять следов.
Наблюдая, как чем-то броским
Мажет выпуклый глаз заря,
Я хочу быть немного Бродским –
Не единого слова зря [11, с. 30].*

Ускользание от буквальности сюжета, на наш взгляд, и есть примета стиля и манеры Веры Полозковой. Отвлеченный ориентир, который так близок читателю, позволяет вобрать в конрапунктивную точку многое из уже пережитого, а также преодолеть ее как спектр разветвлений. Результирующее открытие становится манящей далью, горизонтом желаемой эстетической проекции. Постоянство динамики поэзии Веры Полозковой заключено в предполагаемом самосовершенствовании реципиента.

Таким образом, можно сделать вывод, что современная поэзия становится рубежным этапом для формирования новых аксиологических ориентиров. Желаемый смысл авторы ищут в сокрытых глубинах тайн классической лирики, традиционность которой воспринимается не формально, и не избыточна. Большая часть кажущейся тривиальности подвергнута экспериментальной трансформации, изменению оценки к ней. Вера Полозкова как представитель новой волны умело оперирует поэтическим наследием, обращает внимание на кристаллизацию позиционных акцентов, ориентирует читателя на дешифровку полярности взглядов. Стилиевые черты ее поэзии касаются **свободной ритмики** текстов, **фонетической органики** слога, **лексического плюрализма**. Балансом в данной модели литературной разверстки становится пошаговый, динамичный абрис ракурсов реального и настоящего. Координаты, заданные как магистральные, все сильнее редуцируются при тщательной обработке нарочито звучащих стандартов. Подтверждением возможного диалога поэтических текстов Веры Полозковой с исторической архаикой является цитатный сбив на легко восстанавливаемые

купюры, легко уловимые интенции, при этом дополненные авторским неравнодушием и желанием произнести давно знакомое с новой эмоционально-нетерпимой интонацией.

Список литературы:

1. Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. – СПб.: Гиперион, 2018. – 226 с.
2. Безруков А.Н. Стиль и дискурс: типология различий // Современный русский язык: функциональные проблемы преподавания. Мат. XXXIII Междунар. науч.-практ. конф. Сер. «Вестник Российского культурного центра». – 2018. – Вып. 32. – С. 213-218.
3. Брюханова Ю.М., Шевченко С.А. Самоидентификация поэта в творчестве В. Маяковского и В. Полозковой // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 4 (21). – С. 91-95.
4. Ефимова Н.И., Золотова Т.А. Тема города в вербальном творчестве молодежных авторов (на материале поэзии Веры Полозковой) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 95-101.
5. Игнатенко О.О., Константинова С.К. Художественные образы в стихотворении В. Полозковой «А мы жили тогда легко...» // Incipio. – 2019. – № 14. – С. 47-51.
6. Инишев И.Н. Чтение и дискурс: трансформации герменевтики. – Вильнюс: ЕГУ, 2007. – 168 с.
7. Левин Ю.И. Заметки о лирике // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 8. – С. 62-72.
8. Лейдерман Н.Л., Скрипова О.А. и др. Стиль литературного произведения. (Теория. Практикум). – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2004. – 184 с.

9. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.
10. Луканина Т.А. Фоносимволическое своеобразие современных поэтических текстов // *Филология и культура*. – 2018. – № 2 (52). – С. 82-86.
11. Полозкова В. Непознание. – М.: Livebook, 2017. – 224 с.
12. Полозкова В., Паволга О. Фотосинтез. – М.: Livebook, 2017. – 112 с.
13. Полозкова В. Осточерчение. – М.: Livebook, 2014. – 184 с.
14. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
15. Силантьев И.В. Нарратология и сюжетология: к разграничению предмета исследования // *Сюжетология и сюжетография*. – 2014. – № 1. – С. 3-8.

Сведения об авторе:

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Башкирского государственного университета (Бирск, Россия).

Data about the author:

Bezrukov Andrei Nikolayevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Philology Department, Birsk Branch of Bashkir State University (Birsk, Russia).

E-mail: in_text@mail.ru.